

В. А. Тишков¹**КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ**

Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, появились феномен и концепты культурной гибридности. А если это так, тогда по-другому нужно смотреть и на социально-культурную природу современных наций — самых всеохватных и самых мощных форм социальных группировок людей. Речь идет о сообществах, заключенных в рамках государств, или, как их еще иногда называют, «национальных государств», а иногда «многонациональных», что, на мой взгляд, не проясняет, а только затуманивает проблему. Именно национальные сообщества, а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, особенно когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах». Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и обще-

ственные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое являются ключевыми факторами сохранения (или разрушения и эрозии) этнических, языковых, религиозных и других культурно-отличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но эти механизмы опять же созданы национальными сообществами и существуют на их денежные взносы.

Что собой представляют современные нации? В российском общественном сознании по этому вопросу сохраняются методологическая путаница и бесплодные дискуссии. Я оставляю за пределами доклада вопрос о сохраняющем инерцию и обретающем новые импульсы понимании нации в этническом смысле. Скажу только, что предложенное мною почти 20 лет тому назад понимание и употребление этой важной категории в двойном (гражданско-политическом и этническом) и не взаимно исключающем смысле сегодня становится в России все более общепризнанным. Но это признание носит вымученную форму, граничащую порою с интеллектуальной шизофренией. В России все стороны «национального бытия» и национального дискурса вроде существуют: от экономики и здоровья/нездоровья нации вплоть до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин столь трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела причудливые метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями, а тем более — с межрасовыми коллизиями. Разберем эти теоретические и практические трудности на основе концепта культурной сложности (cultural complexity), отметив, что трудный поиск ответов на вопрос «что есть нация?» наблюдается и в других странах.

¹ Директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор около 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч.: «Страна кленового листа: начало истории», «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «История и историки США», «Коренное население Северной Америки в современном мире», «Тропой слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады», «Русские как меньшинство: пример Эстонии» и «Русские в Средней Азии и Казахстане», «Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия», «Концептуальная эволюция национальной политики в России», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология. Российские исследования в гуманитарных науках», «Общество в вооруженном конфликте» и «Этнология и политика. Научная публицистика», «Единство в многообразии: публикации из журнала “Этнопанорама” 1999–2008 гг.», «Российский народ» и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

* * *

В Канаде рождавшийся в период моих исследований в этой стране в 1970–1980-е годы концепт «первых наций» (first nations) применительно к аборигенным народам зазвучал на весь мир только во время зимних Олимпийских игр в Ванкувере, когда «вожди первых наций» участвовали в торжественных церемониях открытия и закрытия Олимпиады вплоть до права участвовать в процедуре зажжения олимпийского огня. Тридцать лет тому назад тогдашний премьер-министр Пьер Трюдо и многие канадские интеллектуалы настоятельно отнеслись к переименованию «Братства индейцев Канады» в «Ассамблею первых наций». В конце 1970-х годов лидер нации франкофон Трюдо с трудом убеждал соотечественников, в том числе и квебекских сепаратистов, что «мы все — одна нация канадцев». Прошло три десятилетия интеллектуальных и политических усилий канадской элиты, и при закрытии Олимпиады в Ванкувере председатель местного оргкомитета в своей речи сказал: «Эти игры еще больше укрепили единство нашей канадской нации!» И в этой связи у меня есть вопрос: «Можно ли надеяться, что подобные слова будут сказаны и по итогам Олимпийских игр в г. Сочи, или к тому моменту будет реализована мечта русских ультранационалистов объявить в России всех русскими или же дать русским статус «государствообразующей нации»?»

Еще один навеянный спортивной темой пример современного дискурса о нации. Во время чемпионата мира по футболу в ЮАР в его начальной стадии в СМИ среди прочих нефутбольных новостей прошло сообщение о массовой демонстрации в Барселоне против решения Верховного суда в Мадриде признать неконституционным обозначение в конституции провинции Каталонии ее населения как нации. Это право было признано только за всем испанским сообществом, в которое входят не только кастильцы, но и баски, галисийцы, каталонцы и другие культурно отличительные сообщества страны. Каталонские националисты ждали решения суда почти два года, и оно оказалось не в их пользу. Мадрид признает только языковое разнообразие (в отличие от Франции, где французский является официальным языком, обязательным для всех граждан, но отрицает этническое деление испанской нации на еще какие-то нации (как во Франции).

Важное отличие Испании от России в том, что там нет так называемых «этносов»¹ и каталонцы не считают себя этнической общностью, а считают себя самоуправляемым *регионом-нацией*. Каталонцы — это все жители Каталонии, а не только те, кто имеет каталонское происхождение и говорит на каталонском языке. Ситуацию острого конфликта разрешил финал чемпионата в ЮАР: вся Испания праздновала победу национальной (!) сборной команды, в составе которой было много футболистов из Барселоны и даже один игрок из Страны Басков. Так что *во многих странах есть споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай — это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций.*

¹ См.: Кжановский А. Н. Быть испанцем. М., 2005.

В Китае, например, все 55 национальностей, включая ханьцев и национальные меньшинства, не считаются нациями, а нацией (*Джонхуа миндзу*) считаются все китайцы — граждане страны. Однако это не мешает использовать самоназвание нации уйгурским, квебекским, шотландским и другим этническим активистам и политикам. Поэтому случай отрицания и даже судебного запрета не является универсальным, а для России он не подходит вообще из-за укоренившегося этнического смысла слова «нация». Вот почему наша ревизия отечественного концепта нации никогда не заключала в себе «отмену наций», а предполагает двойное употребление столь важного в политике, в культуре и в области самосознания термина «нация».

Однако обратимся к Франции — стране, казалось бы, с давно и успешно сложившейся на гражданской основе нацией. Во-первых, начиная с якобинских гонений против меньшинств и региональных языков, французы как более или менее общая, хотя и рыхлая идентичность появились только спустя 100 лет после Французской революции. Французская нация существовала и продолжает существовать прежде всего как доктрина, как правовая норма и как коллективная договоренность. Считается, что никаких этносов во Франции нет и все граждане есть один народ — французы, при большом историко-культурном разнообразии территорий и мест, которые порождают свои собственные идентичности. Именно эту истину пытался в свое время разъяснить лидер Французской компартии Жорж Марше Генеральному секретарю КПСС Л. И. Брежневу в своей жалобе на Институт этнографии АН СССР, выпустивший в начале 1980-х годов этнодемографический справочник о странах мира. В этом справочнике, кроме французского народа-этноса, были указаны корсиканцы, бретонцы и эльзасцы как самостоятельные народы-этносы, а также «переходные группы» в лице иммигрантов из разных стран и разных поколений. Французские коммунисты были не согласны с таким дроблением их собственной нации и выразили своего рода протест. Только ссора между Брежневым и Марше спасла тогда наш институт от репрессалии со стороны «Старой площади». Тогда мне как новичку этнографического цеха казалось, что прав был автор справочника С. И. Брук, но сейчас мне кажется, что прав был Жорж Марше. Иначе, по Бруку, получалось, что корсиканец Бонапарт не был французом, а уж нынешний лидер нации Саркози тем более не принадлежит к ней! Если следовать Бруку и нынешним сторонникам исключительно этнического понимания нации, то мы отлучим от принадлежности к нациям еще целую когорту национальных лидеров: шотландца Гордона Брауна, индейцев Чавеса и Моралеса, афроамериканца Барака Обаму (по Бруку и Бромлею, негры США — это этнорасовая общность, не входящая в собственно американский этнос-нацию²).

Но тогда что есть французы как нация? *Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, но всегда обладавшая культурной сложностью, которая*

² См.: Нитобург Э. Л. Негры США. XVII — начало XX в. Историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1979.

сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обрела как актуализированное старое, так и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Актуализированное старое — совсем не обязательно партикулярно-этническое (корсиканское или бретонское), хотя есть и это. Старая Франция продолжает делиться по культурно-территориальному принципу, по местоположению или по малой родине («терруар» на месте этничности)¹. Это разнообразие или культурная гетерогенность французов в свое время сводила с ума Шарля де Голля, который в сердцах сказал: «Что это за нация, если в ней 450 сортов сыра!»

А после этого Франция прожила три десятилетия, и ситуация стала еще сложнее. Сегодня 65-миллионную французскую нацию составляют не только «собственно французы», то есть граждане, имеющие давнее французское происхождение, но и 13 млн граждан иного происхождения: 5 млн имеют европейские корни (итальянские, испанские, португальские, польские, русские и др.), 5 млн — это представители берберо-арабских народов, точнее, выходцы из этих групп, 0,5 млн — турки, 0,5 млн — североафриканские евреи, более 700 тыс. — французы — выходцы из французских колоний. Известно усложнение религиозного состава населения Франции и разнонаправленность этой усложненности: из 70 % французов-католиков только 10 % ходят в церковь, и еще есть 22 % агностиков и атеистов, и все это на фоне растущей численности активно верующих (иначе в этой религии быть не может) мусульман. Последние составляют 5–10 % населения.

Я не обсуждаю перспективы французской нации, но отмечаю сам феномен усложнения этнорелигиозного состава этой, казалось бы, классической гражданской нации. И обращаю внимание на то, что *монокультурность никогда не была реальностью в этой стране. На самом деле существовала доктрина монокультурности, позволявшая не признавать так называемые этнии.* В реальности антитезой этническим группам были регионально-местные культурные идентичности на основе разной специфики (от вина и сыра до исторических и протогосударственных отсылок). От французской монокультуры остается, пожалуй, только языковая система, но и французский язык иногда кажется последним бастионом перед натиском иноязычной иммиграции. Этот бастион «французскости» охраняется специальным конституционным законом 1992 года о защите языкового наследия и целой серией других государственных декретов. Нет сомнения, что современная Франция и с ней остальной мир вступили в постъякобинскую эпоху понимания нации и того, что называется «нациостроительством» (nation-building).

О США как о примере говорить в российской аудитории достаточно сложно, поскольку почти всегда следуют укоры по поводу якобы «подбрасываемых» либералами-западниками негодных американских рецептов для уникальной России. Однако отметим, что и в США якобинский тип нации как некий интегрированный сплав был лишь актом речи. Это представ-

ление воплощалось первоначально в доктрине плавильного тигля (melting pot), затем — в особой избранности американской нации по части эталона и гаранта демократии и равных прав. На самом деле Америка никогда не была монокультурной и тем более никогда не была граждански солидарной. В ней всегда было множество этнических и расовых групп и всегда было многоязычие, не говоря уже о прошлой и частично сохраняющейся дискриминации аборигенных жителей, афроамериканцев и иммигрантов. Все это я имел возможность наблюдать начиная с 1975 года, проехав от ирокезских резерваций в районе Великих озер до Аляски и Гавайских островов. И когда после 40 поездок в США в аэропорту им. Джона Кеннеди меня однажды приветствие «Добро пожаловать в США!», написанное не только по-английски, но и по-испански, для меня это было всего лишь публичным признанием исторического существования среди американцев граждан латиноамериканского происхождения (более 20 млн человек к югу от Рио-Гранде). Но тогда в чем заключается растущая сложность американской нации, если не получились ни переплавка, ни единое блюдо из разных ингредиентов (концепция салатной чаши также подвергается сегодня сомнению противниками мультикультурализма)?

Отвечаем на этот вопрос так: формула *единство в многообразии* в США вполне реализовалась, но не как социологическая реальность, а как форма самосознания в результате целенаправленной индоктринации граждан страны. В какой-то мере эта формула обеспечивает динамичное развитие нации, хотя и включает в себе определенные риски. Культурная сложность американцев не уменьшается, а увеличивается (последнее приобретение по этой части — переезд в США из Краснодарского края более 10 тыс. турок-месхетинцев). Причем происходит это на фоне растущего американского национализма в экспансионистской (точнее сказать — в мессионистской) форме и на фоне усиления религиозного фундаментализма среди американцев-христиан. *Усложнение американской нации проявляется в сохраняющейся приверженности иммиграции и в возрастании доли населения иностранного происхождения* (в большинстве развитых стран сейчас наблюдается обратная тенденция). Возможно, американцы достигли такой степени этнической, религиозной и языковой мозаичности, что утратили всякий смысл какие-либо политические разговоры или научные штудии по поводу «культурного ядра» (core culture), которое якобы составляет основу американской нации. Разговоры про WASP (White Anglo-Saxon Protestant) и про стопроцентных американцев прекратились еще два-три десятилетия назад. Сейчас нет разговоров и о каком-либо референтном компоненте культуры этой нации. Сегодняшние американцы — это нация меньшинств, нация культурной гибридности, или, как сказала Хиллари Клинтон во время прошлой президентской избирательной кампании, «мы — нация наций». Кстати, эта вполне реалистичная и примиряющая формула нами предлагалась для утверждения ее в России с начала 1990-х годов, несмотря на большие историко-культурные и ментальные различия между россиянами и американцами.

¹ См.: *Филиппова Е. И.* Территории идентичности в современной Франции. М., 2010.

Разберем еще один европейский пример, который ближе к российскому опыту: Великобритания, или Соединенное Королевство. Напомним этнический и религиозный состав населения страны и динамику национального развития. Из 62,3 млн жителей Великобритании собственно англичане составляют 83,6 % (примерно как русские в России), шотландцы — 8,6 %, уэльсцы — 4,9 %, североирландцы — 2,9 %, а все выходцы или уроженцы Британских островов составляют 92 %. Остальные — это африканцы (2 %), индусы (2 %), пакистанцы (1,3 %) и лица смешанного происхождения. О русских и о бывших советских никакой статистики нет, хотя численность россиян и русскоязычных жителей возрастает быстрее других категорий (по некоторым данным, только студентов университетов и колледжей около 100 тыс.). Христиане разных исповеданий составляют 72 %, мусульмане — 3 %. Где здесь этнос и где здесь нация?

Эта нация называется *британской*, а смена «английскости» на «британскость» произошла в результате общественных дебатов и в результате деятельности в 1980-е годы специально назначенной Королевской комиссии по вопросу о национальной идентичности¹. Современная сложность Великобритании как нации проявляется в нескольких измерениях: огромное этническое и религиозное разнообразие городского населения и рост так называемых региональных языков — явление крайне примечательное: шотландским владеет около 30 % населения Шотландии, шотландским гэльским — около 60 тыс. в Шотландии, уэльским — около 20 % в Уэльсе, ирландским — около 10 % в Ольстере, корнуэльским владеет около 3 тыс. человек. Вот такая Англия с якобы моноязычной английской нацией. Однажды публицист Л. Радзиховский во время моего выступления в редакции «Известий» обронил реплику: «В Англии говорят на английском языке, и нация поэтому называется английской. В России говорят на русском, и нация должна называться русской». Казалось бы, чего проще. Однако в Великобритании этот вариант не проходит, как он не проходит и в России. Ибо в России аналогичная ситуация. Здесь единственной возможной формула: *Россия — это нация наций*.

* * *

С *языковым разнообразием* в современных государствах существует схожая ситуация, ибо язык по-прежнему достаточно жестко связывается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. Достаточно привести такой пример: российские ученые и практики до сих пор полагают, что у человека должен быть родной язык и этот язык может быть только один. Оговорка для переписчиков во время переписей населения, что «родной язык может не совпадать с национальностью», в данном случае не спасает ситуацию. В традиционном понимании языковая сложность как культурный феномен — это существование в мире множества язы-

¹ См.: Липкин М. А. Англия или Британия? Дискуссия о национальной идентичности (История, культура и политика в Соединенном Королевстве) // В мире английской истории. Памяти В. Г. Трухановского. Россия и Британия / отв. ред. А. Б. Давидсон. М., 2003. Вып. 3. С. 30–41.

ков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более что *язык физически более осязателен через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как важнейшем средстве коммуникации заключен также интерес самых разных человеческих коалиций и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование.*

Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнолога» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации типа Летнего лингвистического института, собирающего данные о языках в мире главным образом для переводов Библии на эти языки и для миссионерской деятельности.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире новые языки не появляются и под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. Некоторые специалисты говорят, что к концу XXI века в мире может остаться всего 400–500 языков вместо 4–5 тыс., которые были зафиксированы в XX веке. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы существуют декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере — принятая Кабинетом Министров СЕ в 1992 году в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. Российская Федерация в 2001 году присоединилась к Хартии, но пока не ратифицировала ее.

Казалось бы, из-за глобализации мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все больше овладевают мировым языковым пространством. Однако мировая языковая ситуация с языками в разных странах имеет более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах. Первое — это *размывание и перемешивание языковых ареалов* настолько, что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX веке или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX веке. Второе — это *повсеместное усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия среди населения многих стран*. Наконец, есть тенденция *ревитализации языков*, то есть языки возвращаются в жизнь после десятилетий умирания и (или) забвения. Бретонский во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США тому пример.

Отталкиваясь прежде всего от опыта собственной страны, мы не разделяем взгляды сторонников концеп-

та «вымирания языков»: в России в XX веке не исчез ни один язык, кроме сиреневского диалекта эскимосского языка (из-за ликвидации в 1960-е гг. поселка Сиреники на Чукотке). Несмотря на апокалиптические прогнозы некоторых ученых и политиков, *языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей*. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его отдельных регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. *Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием все больше будет становиться нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных обществ*. Через это, кстати, смогут улучшить свое положение русскоговорящие жители Украины, Молдовы, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии.

Из этих размышлений следует несколько вопросов для науки и для политики. *Во-первых*, как долго в общественной практике, включая российские переписи населения, будет сохраняться изживающее себя единичное понимание «родного языка» и вообще, что означает данная категория-демиург? Это «основной язык знания и общения» (по Ожегову), или это «первый выученный в детстве язык (так называемый *материнский язык*)», или же что-то другое, например язык своей национальности независимо от владения и использования? Федеральный закон 2001 года о всероссийских переписях населения обязывает в числе прочих собрать данные о «родном языке», но что это такое и как это сделать — из проведенных в 2002 и 2010 годах переписей так и не стало ясно.

Мы приветствуем подход Европейской хартии региональных языков, ибо она ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке групп носителей, определяемых обычно по названию языка как самостоятельные народы или нации. Хартия не использует понятие родного языка и не привязывает жестко язык к этнической принадлежности. Например, если вы бурят, то ваш родной язык должен быть обязательно бурятский, если вы татарин, то ваш родной язык татарский и никакие другие вместо этих или наряду с ними языки родными быть не могут! В реальности ситуация значительно отличается от идеальной: десятки, если не сотни миллионов людей совершают переход с одного языка на другой или овладевают и пользуются в равной степени несколькими языками. Такая ситуация особенно характерна для европейских стран, но и Россия не является исключением по причине широкого распространения смешанных браков, совместного поселения и высокого уровня образования среди населения. *Было бы полезно на уровне европейских институтов и структур ООН достичь некоторого консенсуса по вопросу о родном языке*.

Второй вопрос — насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и за языковое простран-

ство обучения, культуры и информации? Вообще, чей это вопрос и кто его изучает, в том числе и на межгосударственном уровне? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но в этом вопросе есть некоторые новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, некоторые международные структуры с предписанной миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены тем, чтобы население продолжало говорить так, как оно говорило 100 или 200 лет тому назад и чтобы это разнообразие сохранялось, как разнообразие видов в живой природе. Недаром появился феномен «красной книги языков» по примеру аналогичной книги по вымирающим природным видам. Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом никакого компромисса по части официального двуязычия или многоязычия не делается. Это приводит к косвенному насилию и к открытой дискриминации, причем в ряде государств бывшего СССР эта языковая дискриминация имеет массовый характер.

В-третьих, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая современные экономики и информационные системы и жизненное поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос об языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитических соперничеств, включая давление на те или иные страны и общества. *Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и политизированных взглядов на то, что есть язык и какова должна быть политика по отношению к языковому вопросу*. В конце XX века языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

В настоящее время в европейских странах (Великобритании, Германии) действуют частные фонды с программами по вымирающим языкам или по языкам, находящимся в ситуации исчезновения. Реализуются проекты и проводятся научные исследования, в том числе и с участием российских ученых. Однако в какой мере эта озабоченность и даже политическая миссия отвечает своеобразию каждой страны, ее регионов, а самое главное — интересам и стратегиям самих людей? Если мы признаем принцип культурной свободы, то *должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию), а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения)*. В этой ситуации языки мировых культурных систем (top world languages), к которым относятся как русский, так и английский, испанский и французский языки, всегда будут выигры-

вать даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: владение и использование этих языков предоставляет больше возможностей для жизненного преуспеяния, чем так называемые «миноритарные языки». Поэтому *требование «языковых паритетов» на межгосударственном уровне (у нас столько-то школ, и у вас должно быть столько же!) не всегда имеет справедливый и реалистичный характер, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей.*

В этом вопросе есть свои двойные стандарты, которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход российского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий язык в стране эмиграции (США, Великобритании, Германии или Австрии) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителями нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними мониторами как языковой геноцид или как политика насильственной ассимиляции.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся на долгие годы процесс ратификации и имплементации Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. По этому вопросу у России формируется своя позиция¹.

Подписав Хартию в мае 2001 года, Россия только рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия не единственное государство, отложившее ратификацию. Например, подписав Хартию в 1999 году, до настоящего времени ее не ратифицировали Франция и Исландия. Как и во многих европейских странах, и даже более чем где бы то ни было, в России имеются особенности, которые препятствуют положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы «языка» в политическую плоскость в регионах, где имеется конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией. В чем же ценность для России самой Хартии?

Хартия ориентирует законодательство и политиков на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Для России, преемницы бывшего СССР — государства, в котором немало было сделано для развития языков, такой подход тем не менее непривычен. До сих пор главенствует представление о том, что объектом государственно-правового регулирования должны быть этнические (в терминах советской эпохи — *национальные*) сообщества. А язык есть обязательный атрибут таких со-

обществ («без своего языка нет народа»). Здесь действует посылка: если государство посредством законодательства и других институтов поддерживает те или иные этнические общины, то это автоматически позволяет сохраняться их самобытной культуре и языку. Приводятся, казалось бы, очевидные доводы: если не сохранять и не поддерживать самих носителей языка и культурных традиций, то как же язык и традиции могут быть сохранены? Такое понимание национальной политики как непосредственного поддержания этнических сообществ на определенном этапе было оправдано. Российское государство на протяжении первой половины XX века прошло через огромные тяготы и лишения. Патерналистский подход советской национальной политики, субъектом которой являлись конкретные людские сообщества, выявляемые по признаку «крови и почвы», приносил на том этапе очевидные плоды. Однако в позднее советское время этот подход применять было гораздо труднее. Социальная жизнь в ту пору существенно изменилась. На огромном пространстве Советского Союза процессы модернизации и миграция из сельской местности в города способствовали тому, что потребности и интересы людей стали выходить за рамки «своей» этнической культуры, «традиционного» образа жизни, «своего» этнического языка. Этнографические, социологические, лингвистические исследования тех лет, а также переписи населения 1970, 1979 и 1989 годов показали, что этнические сообщества («нации», «национальности», «народности») не являются однородными и культурно сплоченными, каковыми их рассматривала наука и политика. Значительная часть населения не признала родным «свой» язык и пользовалась в повседневной жизни «чужим», то есть в большинстве своем русским языком. Выяснилось также, что часть населения была склонна «переходить» из одной этнической идентичности в другую (в терминах той эпохи — «менять свою национальность»). При доминировании привычных научных доктрин и политического учения «о нациях» подобные явления рассматривались как своего рода издержки объективных процессов развития («расцвет и сближение») крупных «наций» и естественной ассимиляции мелких этнических сообществ. Если же крупные «нации» частично утрачивали «свой» язык и «свою» культуру, то требовалась корректировка средствами государственной политики по восполнению подобных утрат. При таком подходе язык рассматривался как один из атрибутов этнического сообщества, и это привело к выталкиванию проблемы языков на периферию государственной политики.

На современном этапе язык представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в известной мере автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об «исчезновении народа». Переход на другой язык не означает утрату идентичности, то есть сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут быть религия, связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности.

¹ Тишков В. Россия и Европейская языковая хартия // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. В. А. Тишкова. М., 2011.

Проблема автономности культурных ценностей и риск их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострились в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу нетерпимости и дискриминации. На эти современные вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности», «языка нации» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Между тем следует говорить о различиях в уязвимости одних языков по сравнению с другими языками.

Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств, если будет ратифицирована Россией, может стать стимулом для пересмотра внутригосударственной языковой политики. При этом пересмотра потребуют не столько имеющиеся правовые нормы — они в значительной мере готовы к восприятию и адаптации требований по сохранению и поддержке недоминирующих языков, — должны быть пересмотрены общественные и политические взгляды на суть языковой проблемы. Это окажет благотворное влияние на политическую и научную мысль и в конечном итоге улучшит практику государственного управления в языковой и культурной сферах.

Однако в России ситуация с разнообразием языков намного сложнее, чем в других странах Европы. Очевидно, что из более сотни российских языков только два-три десятка могут первоначально войти в ратификационный список. Но и внесение этого количества будет сопряжено со значительной организационной и финансовой нагрузкой из-за большой территориальной разбросанности языков. *По мере продвижения языко-*

вой политики в России список языков может расширяться. Следовательно, процесс имплементации Хартии в нашей стране растянется на десятилетия, но это не должно восприниматься как установление приоритета одним национальностям и этническим группам и дискриминация в отношении остального населения. *В условиях растущего языкового плюрализма, порождаемого масштабной иммиграцией, а также интересом новых поколений к своему культурному наследию, новые подходы к языковой политике улучшат возможности социального управления и будут способствовать воспитанию у граждан России чувства целостности и единства общей Родины.*

Что же касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Однако и в этом направлении государственные усилия должны быть более последовательными. То же можно сказать о ситуации в России со средствами массовой информации и практикой поддержки культурных мероприятий на различных языках. Таким образом, для современного государства в отношении языкового разнообразия наиболее эффективной и демократичной политикой является политика обеспечения статуса одного, двух или нескольких языков, которые объявляются государственными языками и за счет средств государства получают необходимые условия для своего развития и функционирования. *Задача российского государства — обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан. Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан, особенно в области образования, правосудия, социальных служб, информации.*